

контекстом. Информационная структура дискурса же используется для поддержания логической связности текста. Таким образом, оппозиция нового и старого демонстрирует возможности информационных структур при передаче смысла. Анализ таких стратегий представляет и самостоятельный интерес, так как дает возможность более глубокого проникновения в замысел отправителя текста.

1. Ван Дейк Т. К определению дискурса // <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2>

2. Гальперин И.Р. 1981 Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука

3. Кох В.А. 1978 Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // НВА, Вып. VIII, 149-172.

4. Степанов Ю.С. 1996 Альтернативный мир. Дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М.: РАН, 35-73

5. Van Dijk Teun A. 2001 Critical Discourse Analysis / A Handbook of Discourse Analysis.-Oxford: Blackwell, 2001. 352-371

6. Enkvist N. E. 1989 From Text to Interpretability: A Contribution to the Discussion of Basic Terms in Text linguistics. Research in Text Theory vol. 12. – Berlin -New York, Walter de Gruyter: 369-398

7. Mammadov 2009 The issue of plurilingualism and language policy in Azerbaijan. International Journal of the Sociology of Language. 198. New-York, Berlin: Mouton de Gruyter

8. Wodak R. 2009 The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual. Palgrave Macmillan:

The paper investigates the role of the parallel-logical and linear connections in the organization of the English and Azerbaijani discourses. These connections manifested by the various grammatical and lexical devices have important pragmatic and cognitive perspectives in the discourses of different types and genres. The typological differences in English and Azerbaijani have also an impact on these functions.

Е. И. Марчевская

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЮРКСКОЙ АНТРОПОНИМИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.К. БЕЛЬГЕРА

Современная ономастика – комплексная лингвистическая дисциплина, располагающая огромным кругом проблем и методов исследования. Центральным для ономастики является термин «оним» – «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именованного объекта среди других в том же классе, например, поселения: город Клин, село Лужники, деревня Болото у Погоста.; имена и прозвища: Дерево, Дорогие Щи, Федька Умойся-Грязью; художественные произведения: «Выстрел», «Преступление и наказание», «Жила-была девочка» [1]. Совокупность всех онимов в науке называют онимией, либо ономастикой.

Онимы – имена собственные, которые служат индивидуальными наименованиями одушевленных и неодушевленных предметов. «К имени собственному относятся все слова, словосочетания и предложения, служащие для выделения именованного объекта среди других объектов, его индивидуализации и идентификации. Имена собственные являются ономастической универсалией, поскольку ни один язык не обходится без них» [2; 9].

Онимов значительно больше, чем нарицательных единиц. Собственные имена окружают

нас повсюду, погружая в свой особый мир. Однако в большинстве случаев они игнорируются составителями словарей, не исследуются лингвистами, поверхностно освещаются в школе. Следует отметить, что ономастические знания необходимы для филологов, так как способствуют успешному овладению языком, участию в межкультурной коммуникации, пониманию содержания и смысла текста.

«Имена собственные – наиболее динамичный пласт лексики – составляют ономастическое пространство, определяемое моделью мира, существующей в когнитивном представлении народа, дающего имена. На характер и состав имен собственных оказывают влияние различного рода экстралингвистические факторы (географические, идеологические, исторические, мировоззренческие, социальные, культурные, языковые контакты и др.)» [2; 7]. Поэтому в каждом отдельном языке встречаются исконные и заимствованные имена собственные.

Одним из важнейших разделов ономастики считается антропонимика (от греч. anthropos – человек, опута – имя), которая изучает «имена живых существ, воспринимаемых как живые» [3; 174], то есть антропонимы. Антропонимика

выделилась из ономастики во второй половине 20 века. До 60-х годов вместо термина «антропонимика» многими исследователями использовался термин «ономастика» [4; 36-37].

Антропонимы – это собственные наименования людей: имена личные, именованья по отцу (патронимы), фамилии, родовые имена, прозвища, псевдонимы, скрывающиеся имена (криптонимы), личные имена художественных произведений, имена фольклорных, мифологических и сказочных героев. В антропонимике различаются формы одной и той же языковой единицы: диалектная и литературная, неофициальная и официальная, народная и каноническая. Совокупность антропонимов именуется антропонимией.

Каждый человек обладает именем. «Не смотря на то, что антропонимы относятся к именованию людей и только людей, этот единственный объект дает чрезвычайно сложный спектр категорий имен, что связано с историей культуры, особенностями психологии людей, с традициями и многим другим» [3; 174]. В силу своей индивидуализации антропоним отличается от других онимов.

Суперанская А.В. выделила индивидуальные и групповые антропонимы. Индивидуальные имена маркируют личность в коллективе, а групповыми именуется коллективы, отличающиеся какими-либо признаками.

Личное имя является для каждого человека основным, индивидуальным. Есть антропонимы древние (Бейбарс, Ярославна), канонические (Мухамед, Анна), новые (Амина, Элина). Они очень часто повторяются, что делает необходимым прикреплять к человеку дополнительные именованья: отчество, производное от имени отца; фамилию, наследуемое официальное наименование определенной семьи; прозвище, неофициальное образование, дающееся человеку окружающими в соответствии с какой-нибудь аналогией.

В некоторых европейских странах человеку дается несколько католических церковных имен, фамилии отца и матери; либо вместо фамилии ему присваивается производное образование от имени отца.

У одних народов отмечается единое именование человека в ходе его жизни, у других (к примеру, тюркских) – смена имен, связанная с возрастными характеристиками, ритуальными действиями, именованьем в честь чего-то или кого-то, запретом употребления настоящих имен. Примером тому служит отрывок из романа Герольда Бельгера «Дом скитальца» о

судьбе депортированных немцев в 1941 году в Казахстан. Время действия в романе – 1941-1956 годы. Переселенцы (немцы Поволжья) оказываются в совершенно незнакомой им среде, но, благодаря добросердечности и гостеприимству казахстанцев, обретают приют и надежду на чужбине:

«Фельдшер в начале ничего не понимал. Семилетний сорванец **Ибрагим Омаров** из аула Коктерек в следующий осмотр превращался вдруг в **Коспанова**, а еще через два месяца он становился **Жумановым**. Потом,.. выяснилось, что **Ибрагим**, которого, кстати, звали **Ибжаном**, – сын **Жумана**, но поскольку он был его первенцем, то считался по обычаям дедушкиным и потому получил фамилию от имени деда – **Коспанов**. А брату **Коспана** – **Омару** всевышний не дал сыновей, поэтому мальчика как бы передали ему и, следовательно, присудили ему фамилию **Омаров**. А потом, когда пришла похоронная на **Жумана**, мальчика тут же снова переименовали в память погибшего отца: **Ибрагим** стал **Жумановым**. И таких случаев в аулах было сплошь и рядом» [5; 79-80].

Не знал буйный Егорушка, незадачливый любовник, сколько дней и ночей умирал он в степи близ Ишима. Очнулся в убогой юрте... Много месяцев прошло, пока он снова окреп и встал на ноги... Он стал **Есильбаем**. Через год-два его омусульманили, оженили, стал он жить в отдельной юрте с приземистой, послушной сиротой **Балшекер** [5; 39].

Казахский этнос обладает самобытными антропонимами, наполненными специфическим смыслом для языкового народа. Иными словами, приведенные личные имена заключают в себе ценную информацию о национальной принадлежности, традициях, человеческих качествах, социальном статусе, сословном положении, религии их носителей.

Для тюркской антропонимии актуальными являются групповые наименования: имена семей, династий, родов, так как родовая организация является центральной в коллективе. Причиной этому служат вековые традиции народов и наций. «Поскольку принадлежность к роду давала человеку родовые права, а основным признаком рода было его имя, родовые имена тщательно сохранялись. Например, имена тюркских и монгольских родов, первые сведения о которых находим в Китайских источниках начала нашей эры, сохраняются до настоящего времени в почти не изменившемся виде (если не считать фонетических особенностей передающих языков)» [3; 177].

Вышеназванные особенности антропонимов важны при исследовании их функционирования в художественных произведениях, так как данный разряд онимов является наиболее употребительным в литературных текстах.

Интересна в этом плане антропонимия произведений Герольда Карловича Бельгера, творчество которого неотделимо от судеб казахского, русского и немецкого народов. Он по праву считается примером дружественных отношений между ними. Писатель, переводчик, критик, публицист, редактор обладает многочисленными званиями, орденами и премиями Казахстана за бесценный вклад в развитие контактов между народами Германии и Казахстана. Сам писатель считает себя ответственным за сохранение немецкой культуры и взаимопонимание между народами. Им опубликовано огромное количество книг и статей о депортации немцев на русском, казахском и немецком языках.

Герольд Бельгер лично знал Ильяса Есенберлина, Сабита Муканова, Габита Мусрепова, Габидена Мустафина, что благотворно повлияло на его жизненный и творческий путь.

В художественных произведениях писателя доминируют имена тюркского происхождения. Под антропонимами-тюркизмами мы подразумеваем личные имена, вошедшие в русские тексты из или с помощью тюркских языков. Следовательно, к ним можно отнести слова арабского, иранского, персидского, монгольского происхождения. В подобных случаях антропонимы являются средством межкультурной коммуникации, так автор текста призывает собеседника к взаимодействию.

В качестве места действия Бельгером обычно выбираются казахстанские города, поселения, аулы. Это связано с биографией самого автора, немца по происхождению, ребенком депортированного в Казахстан, прекрасно владеющего в равной мере русским, немецким и казахским языками.

Для наглядности рассмотрим несколько примеров из антропонимики романа «Разлад». Очень часто автор обращается к именам исторических личностей:

«А с чего все началось? О, вундербар! Германию часто навещает **Чингиз Айтматов**. Знаете его? Нет?! Ach, schade, schade! Он очень популярен. Прекрасный писатель, искусный дипломат, кажется, и коммерции не чужд. Кстати, российские немцы его обожают» [6; 19].

Другие примеры:

«Пенсионеры-вольнодумцы, облюбовавшие скверик у памятника **Чокану**, с некоторых пор обратили внимание на слегка согбенную фигуру явно аульного старика, одиноко и отрешенно бродившего за железной ажурной оградой импозантного элитного дома» [6; 27].

«...другой – шумный, глуховатый, крижистый, крутонравый, – выяснилось, прошел Крым и Рим, испытал все дрязги послевоенного времени и всю жизнь вращался в среде журналистов, писателей, артистов, художников, знал и **Хаджи-Мукана**, и **Жамбыла**, и **Кенена**, и всех знаменитостей казахского искусства, давно перекочевавших в мир иной;...» [6; 30].

«Третий русский, уже в больших летах, был в свое время крупным партийным и советским работником, говорил мало, но веско, мнения свои не навязывал, а воспоминания его уходили во времена сталинских наркомов, к Косыгину и **Кунаеву**» [6; 30].

Уже в данных примерах можно проследить процесс взаимодействия культур, так как в произведении русскоязычного писателя функционируют тюркские антропонимы – имена конкретных исторических личностей. Возможность такого языкового и культурно-исторического дополнения данных создает базу для комплексного изучения взаимодействия языка и культуры.

С другой стороны, приведенные примеры несут в себе экстралингвистический смысл. Функционируя в тексте, антропонимы «Чингиз Айтматов», «Чокан», «Жамбыл», «Кунаев» и другие вызывают у читателей конкретные устойчивые ассоциации, так как деятельность их носителей известна в общественных кругах, социуме и международном масштабе: Чингиз Айтматов – интереснейший писатель мирового уровня; Шокан Уалиханов – всемирно известный ученый, путешественник, этнограф и так далее; Кунаев – выдающийся казахстанский политик. К тому же прослеживается связь имени с национально-культурными стереотипами. Информация, заключающаяся в данных личных именах, проявляется в коннотациях, отражающих их связь с культурой.

Примеры антропонимов из романа писателя мы с легкостью можем соотнести с определенным историческим, географическим, временным, рядами. Поэтому культурной значимостью наполняются как значения имен собственных, так и весь текст, в котором они функционируют. Более того, они всегда национально маркированы и обладают культурной значимостью для культуры.

Другим важнейшим свойством антропонимии произведений Г.К. Бельгера выступает их семантико-стилистическая мотивированность и выражение авторской оценки. Писатель при подборе имен героям сознательно обращается к семантически прозрачным основам, чтобы они были понятны читателю в связи с его замыслом:

«Вот-вот, потребности не те. Им нынче все подавай готовенькое. И все им мало, мало... Какая нужда погнала **Шолпан** в Турцию пляски плясать? Кто заставил старшего нашего малаем служить у русской марджи?» [7; 71].

«Имя Шолпан» говорящее, благозвучное. С ним ассоциируются понятия красоты, подвижности, творчества, популярности, возвышенности, необычности. Дополнительную нагрузку несет его музыкальное звучание. То же самое можно сказать о другом примере сознательного авторского выбора имени герою:

«**Жан**, скажи ты, – обратился Соломон к долговязому, улыбочивому и молчаливому Жану. – А то наше застолье превращается в научную конференцию по проблемам тенгрианства» [8; 77].

Именно подобранное имя Жан характеризует своего героя-носителя как «душевного» человека, далекого от мира науки, техники, прогресса.

Интерес к антропонимии произведений Бельгера усиливается еще тем, что русскоязычный автор, используя тюркские антропонимы в своей прозе, демонстрирует читателю прекрасное знание разных национальных культур и языков.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Функционирование антропонимов тюркского происхождения в произведениях Бельгера Г.К. обусловлено биографией и сложившимся мировоззрением автора.

2. Они служат для индивидуализации героев прозы.

3. Антропонимы-тюркизмы несут национальную информацию, без которой невозможно полное понимание художественного произведения.

4. В произведениях Герольда Бельгера прослеживается процесс взаимодействия культур.

По ономастике создано не так много учебного, методического, теоретического материала. Наиболее известны труды российских и казахстанских ученых: А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетова, В.Н. Никонова, Т.Д. Джанузакова, О.А. Султаньяева, Г.Б. Мадиевой и других. Исследований по тюркской антропонимике также очень мало, что открывает неограниченные возможности в их изучении.

1. <http://russkiyufzik.ru/> / Русский язык. Энциклопедия русского языка.

2. Мадиева Г.Б. Теория и практика ономастики. – Алматы: Қазақ университеті, 2003.

3. Суперанская А.В. Теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.

4. Подольская Н.В. Антропонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

5. Бельгер Г. Дом скитальца. – Алматы.: Раритет, 2007.

6. Бельгер Г. Разлад / Бельгер Г. // Простор. – 2007. – № 10.

7. Бельгер Г. Дукен младшего сына (Глава из романа «Туюк су») / Бельгер Г. // Евразия. – 2003. – № 5.

8. Бельгер Г.К. Разлад / Бельгер Г. К. // Евразия. – 2006. – № 6.

Аталған мақалда қазақ жазушысы Герольд Карлович Бельгердің көркем мәтіндеріндегі түрік антропонимдері қызметінін кейбір мысалдары қарастырылған.

In the given article we examine some examples of the functioning of Turkic onyms in artistic texts of kazakhish writer Gerold Karlovich Belger. Onyms are evaluated as historic cultural information.